

Ромео на сцене нежно обнял Джульетту, она доверчиво склонила на его плечо голову, и полный зал искушенных балетоманов в очередной раз поверил: эти двое проживут вместе долго и счастливо.

Ангелина сделала глоток шампанского. Так странно — пить, когда перед тобой танцуют звезды первой величины. Но в ложе администрации все позволено. Закуски — канапе с красной икрой — тоже имелись. Впрочем, жевать, когда сидишь совсем рядом со сценой, Ангелина считала неприличным.

Джульетта совершила головокружительный прыжок и упала в объятия Ромео. Зрители зааплодировали. Дирижер опустил палочку: дал балерине возможность присесть в благодарном реверансе. Она улыбалась залу, то и дело оборачиваясь на их ложу. Феликс перехватил ее ищущий взгляд. Сделал несколько показательных хлопков — и лицо красавицы осветилось счастьем.

— Тоже из твоей свиты? — с улыбкой шепнула Ангелина.

— Просто ценит мое скромное мнение. — Сверкнул карими очами, понизил голос до еле слышного: — *А нравятся* нашей Джульетте исключительно богатые «папики».

Надо же! Когда Ангелина смотрела на сцену, была уверена: у примы и в жизни роман с тем парнем, кто Ромео танцует. Уж очень страстно у них танец лился.

Но этих балетных не поймешь. Про ее спутника тоже разное болтали, вплоть до нетрадиционной ориентации. Лишь когда стали встречаться, Ангелина поняла: злопыхатели врут. Феликс — настоящий *мужчина*. Сильный. Самобытный. Яркий.

Ничего подобного в ее коллекции прежде не было.

И весьма льстит, что именно от нее сей великолепный экземпляр голову потерял. Хотя чему удивляться? Остальные дамы — Ангелина приметила — рядом с Феликсом себя по единому шаблону ведут. Разглядывают с восторгом, будто в музее застыли перед Аполлоном Бельведерским. Слушают, рот разинув: рассказчик Феликс великолепный. И у всех в глазах тайная надежда — приручить, окольцевать. Ясно, что вольного сокола подобная перспектива пугает.

А в ней он, видно, почувствовал по-настоящему свободную женщину. Ангелина — без дураков — чуть не единственная в столице, кому замуж вообще не надо. И это не притворство, а осознанная пози-

ция. Зачем ей в своем доме постоянный кобель, когда и так есть и мужчины, и деньги, и карьера?

Ромео на сцене упал к ногам Джульетты.

Феликс уверенно положил ладонь на бедро Ангелины. Ее тело прошел электрический ток. Надо же, музыка Прокофьева и полумрак директорской ложи оказались афродизиаками. Она не скрyla приятную дрожь, и Феликсу, несомненно, доставило удовольствие ее почувствовать.

Они оба — и восторженный зал — продолжали смотреть на сцену.

Никто не обращал внимания на белокурую зрительницу во втором ряду первого яруса. Девушка, как и многие прочие, устала бинокль на правую кулису, рядом с которой Ромео вскинул Джульетту в великолепной поддержке. Только на самом деле смотрела она не туда. Блондинка на максимальном увеличении разглядывала, что происходит в директорской ложе. И по лицу ее текли слезы.

* * *

До чего мерзко, когда от тебя пахнет трупами. Стасик успокаивал: кажется. Это собственные рецепторы в носу впитали вонь. Но Надя не верила.

Полуянов позвонил ровно в тот момент, когда Надя выходила из морга. Доложил, что едет домой, и поинтересовался, будет ли ужин. Зря она надеялась, что закажет пищу, — сама разбаловала.

Пришлось тащиться в супермаркет. Когда Надя выбирала мясо, дама, что стояла рядом, повела носом:

— Тухлятиной какой-то несет.

Митрофанова сразу шарахнулась.

Продавщица обиделась, начала доказывать, что у них все только свежее, а у бедной Нади перед глазами сразу посинелый мертвец с разверстой грудной клеткой. Ох, как от него воняло! Вроде чем-то химическим, но сладковатый запах гниения тоже отчетливо пробивался. А теперь и от нее, наверно, этой мерзостью пахнет.

Вернулась домой и даже покупки не бросила в холодильник, сразу кинулась в душ. Когда вышла раздумывавшаяся, в халате, Димка взглянул удивленно:

— Ты разве не на фитнесе была?

— На фитнесе.

— А почему в клубе не помылась?

— Да у нас... э... воду горячую отключили.

— В сентябре?

— Там какая-то авария у них.

Врать не умела, глаза сразу долу.

Полуянов хихикнул:

— Ты от любовника, что ли?

Обиделась:

— Ты издеваешься?

Дима отвечал тоном склочника-домостроевца:

— Как мне еще реагировать? Муж усталый после работы, а жена на фитнесе расслабляется. Да вместо того, чтоб потом сразу на кухню, ванну с пеной изволит принимать.

— Не ванну, а душ. И вообще не ворчи, — улыбнулась она, — сейчас будет тебе ужин.

Готовить любила с чувством и с толком, но в крайнем случае можно просто отбивные кинуть на сковородку. А пока жарятся, быстрый салат сварганить: айсберг, огурчики, моцарелла, руккола, помидорчики черри — тоже нормально. Когда Димка пришел на ароматы, спросила:

— Винцо у нас есть в погребах?

Не далее как вчера вели беседу о здоровом образе жизни, решив: употреблять будут только по особым поводам и выходным. Но ей нужно было снять стресс после морга.

Полуянов напоминать об уговоре не стал, открыл бутылочку чилийского.

Надя с удовольствием сделала первый глоток. Все, забудь! У тебя есть дом, любимый мужчина, вкусный ужин.

Но перед глазами продолжал маячить освеженный труп с головой, запрокинутой на подставке-чурбачке. Перепуганные глаза Тошки. Давится, с трудом сдерживает рвоту, отчаянно молит:

— Можно я уйду? Пожалуйста!

Но она только усмехается:

— Нет, милый. Никуда ты не уйдешь. Мы еще даже не начинали.

* * *

Саню сегодня вызвала социальный педагог и снова потребовала признаться, откуда синяки.

— Да со льда все, Наталья Юрьевна, — горячо уверял он. — Я ж хоккеем занимаюсь, сами знаете: спорт жесткий.

— А на шее почему синева? Удушающий прием провели?

— Ну да.

— Разве ты без защиты играешь?

— Нету на шее защиты, — пробормотал.

Но щеки, почувствовал, заливает румянец.

А социальный педагог вкрадчиво сказала:

— Сашенька, я знаю больше, чем ты думаешь. И тебе только лучшего желаю. Если тебя кто-то обижает, нельзя терпеть!

— Кто меня в школе тронет? — усмехнулся он.

— Тем страшнее, что бьет тебя человек близкий.

— Никто меня не бьет.

— Понимаю, — вздохнула она грустно. — Не хочешь признаваться. Но мы ведь можем тебя защитить!

— Да какой толк от вашей защиты! — не выдержал Санька. — Пришлете комиссию. Будут чужие тетки в холодильнике рыться, смотреть, есть ли стол письменный. Так стол у меня есть. И сортир собственный. И икры в холодильнике трехлитровая банка.

Социальный педагог понурилась:

— Согласна. Государственная система не всегда совершенна... но я боюсь за тебя, понимаешь?

— Я смогу за себя постоять, — сказал он твердо.

А Наталья Юрьевна задумчиво сказала:

— Знаешь, есть такой сайт. «Кайрос». Говорят, там реально помогают. Все полностью анонимно. И люди серьезные. Попробуй. Вдруг получится?

* * *

Все подростки покуривают. Ольга и сама активно баловалась, когда ей было шестнадцать. Запугивания взрослых про грядущую зависимость и рассказы, что легкие почернеют, вообще не трогали. Наоборот: чем больше гоняли, тем сильнее хотелось нарушить правила.

В собственном воспитательном процессе дала урок: глупых родительских ошибок не повторять. Антону, сыночку любимому, позволяла самому набивать себе шишки. Но с табаком примириться не могла никак. Не из прихоти — другого выхода не было.

В двенадцать лет у сына открылась астма, и врач особо предупредил: дым табачный ее течение многократно ухудшит. Ольга сначала думала: пугает, как положено докторам. Но почти каждый раз после того, как сын старательно зажевывал пепперминтом сигаретные ароматы, на него накатывал приступ. «Скорая», кислород, гормоны, иногда и больница. Мать умоляла:

— Да хоть пей, хоть по девкам ходи. А курить нельзя. Неужели сам не понимаешь?

Тошка хлопал роскошными бархатными ресницами:

— Ма-ам! Да я одну затяжку всего!

Обещал, конечно: больше не будет. Клялся, что осознал. Но вырывался вечером поболтаться с друзьями — и снова повторялось. Даже если у сына приступа ночью не случалась, к утру Ольга от нервов, от ожиданий тягостных саму себя доводила почти до предынфарктного состояния.

Она и с детским психологом общалась, и к наркологу сына таскала. Все без толку. Окончательно не подсел, но за компанию покуривал регулярно.

Когда услышала про «Кайрос» и его методы, написала туда горячее, отчаянное письмо. На ответ особо не надеялась. У них на форуме столько серьезных бед, кому есть дело до неразумного, безвольного подростка? Но в тот же вечер ей позвонила женщина. Представилась Надей. Вопрос задала странный:

— Фильмы ужасов ваш сын смотрит?

Ольга усмехнулась:

— Смотрит. Но он у меня трусишка. Когда момент страшный, глаза зажимуривает.

— Это хорошо, — почему-то обрадовалась собеседница. И сразу новый вопрос: — А есть у вашего сына старший друг или родственник, чье мнение он уважает?

— Есть двоюродный брат. На пять лет старше, в МГИМО учится. Он Тошу от многих глупостей удержал. Но от сигарет отворотить никак не может.

— Отлично, — еще более довольным тоном отозвалась Надя. — Я берусь за ваше дело. Сыну ни слова. Дайте мне телефон брата и предупредите, кто я такая.

Ольга умирала от любопытства. Но сотрудники «Кайроса» категорически требовали прежде, чем кидать мольбу на их сайт, прочитать правила. Первым пунктом значилось: «Если к нам обращаетесь — значит, доверяете. А раз доверяете — не пытайтесь нас контролировать. Мы приложим все силы, чтобы помочь. Но *метод* будем разрабатывать сами. Пожалуйста, не задавайте вопросов, как и когда. Мы все равно не ответим».

Племянник — сколько ни пыталась Ольга вызнать — тоже ничего по делу не сказал.

Но вид имел хитрый. И очень встревоженный.

* * *

Зевс дочитал очередное благодарственное письмо. Заканчивалось оно словами: «Вы просто бог!»

Теплые слова слышать всегда приятно. Но последняя фраза покорила.

Отошел от компьютера. С отвращением взглянул в зеркало. Не все боги красивы, но тех, кто *над*

миром, объединяет одно: они всегда ставят дело над личным.

Он прежде тоже посвящал жизнь исключительно служению. Не перечесть, кого спас, скольким подарил несколько лишних лет или хотя бы позволил умереть счастливыми.

За единственную ошибку молодости, считал, расплатился сполна. Кто мог подумать, что возмездие все-таки его настигнет? А добрые дела — сколько бы ты их ни творил — теряют всю свою ценность, если ты хоть раз совершаешь зло.

«Остановись. Опомнись», — убеждал себя.

Но в памяти немедленно всплывало лицо иску-сительницы, и понимал: не может он противиться року.

* * *

Когда брательник предложил сходить в морг, Антон согласился сразу. Его давно занимал вопрос, насколько трупы из кинчика реально похожи на настоящие. Да и вообще прикольно.

Встречу назначили на восемь вечера. За окном дождь, сумерки — трупы в темноте, наверно, совсем страшными выглядят.

— Почему днем нельзя было? — спросил он боязливо.

— Глупый, что ли? — фыркнул брат. — Ты ж мелкий, а в морг детям не положено, чтоб психику

не травмировать. Приходится ждать, пока начальство уйдет.

На территорию больницы пробирались через дырку в заборе. В кованую дверь патологоанатомического отделения стучали условным стуком.

Отворил санитар — тощий, череп пергаментной кожей обтянут, зеленая униформа в зловещих пятнах.

— Вот, — представил двоюродный брат, — наш юный гость.

Санитар зловеще усмехнулся:

— Ну, пошли.

И сразу хватить за плечо — пальцы холодные, цепкие. Тоша не сомневался: брательник с ними вместе пойдет. Но тот сразу за дверь, одного бросил!

Страшный дядька деловито спросил:

— Тебе показать, как храним, или сразу на вскрытие?

Решимость Антошкина улетучивалась все стремительнее.

Но храбро сказал:

— Давайте в хранилище сначала.

— Ну, тогда гляди. — Санитар втолкнул его в сумрачную комнату.

Стены кафельные, посреди каталка, на ней тело под простыней. Рука выбилась, к полу свешивается, пальцы скрючены.

Проводник включил яркий свет, скинул покров. Дед. Тощий. Голый. На груди неприятные пятна синие. И глаза приоткрыты, будто подсматривает.

— Этого только привезли, — сказал санитар. — Оформить надо.

И бирку клеенчатую с чернильным номером протягивает:

— Давай помогай. На ногу прицепи ему. На большой палец.

Руки у Тошки дрожат, ладони вспотели. Но храбро взял. А едва холодного тела коснулся, взвизгнул: показалось, шевельнулся мертвец.

— Слабак, — пренебрежительно сказал санитар.

Бирку сам покойнику надел, а Тошу потащил в комнату побольше. Здесь оказалось еще ужаснее. Два стола металлических. На одном голый труп, да какой — серо-синий, с грудью вспоротой. Под головой деревянный чурбачок, острая бородавка смотрит в потолок, а лицо молодое совсем. У секционного стола женщина в белоснежном халате. Глаза строгие. И его откуда-то по имени знает. Велела:

— Подойди ближе, Антон.

Подошел. Страшно, противно. Руки липкие.

Докторша усмехнулась:

— Да ты боишься! Может, домой?

— Нет-нет! Я хочу посмотреть! — голос дрогнул, сорвался.

— Прямо вскрытие посмотреть? А не стошнит?

Подросток сглотнул. Прошептал мужественно:

— Я смелый.

— Хорошо. Давай тогда вместе закончим с грудной клеткой.

С равнодушным лицом погрузила обе руки в разрезанную грудь. Вытащила из покойника что-то большое, черное, омерзительное. Спросила:

— Как думаешь, что это?

Биологию Тоша любил. И, хоть сейчас очень боялся, головы окончательно не потерял. По форме, да и месту, откуда достала, на легкое похоже. Но почему цвет такой? Должно ведь розовым быть? Или хотя бы бурым?

А докторша вдруг предложила:

— Наклонись. Понюхай.

Тут уж не выдержал. В страхе отступил, взмолился:

— Можно я уйду? Пожалуйста!

Но злющая только усмехается:

— Нет, милый. Никуда ты не уйдешь. Мы еще даже не начинали.

И санитар настороже, сзади. Одной стальной рукой держит, второй его голову почти к секционному столу наклоняет.

Гниль. Химическое что-то. И отчетливо — как из пепельницы переполненной.

Подросток закашлялся. Врачиха сказала:

— Курил с пятнадцати. Умер в двадцать. От рака легких. За пять лет органы дыхания обратились в труху.

Легкое черное, страшное, вонючее в руках держит, предлагает:

— Рассмотрим. Вообще живого места нет.

Тоша когда-то статью читал: про черные легкие — вранье и пропаганда. Специально в темный цвет красят. Но тут однозначно не краска. При нем вытащила. Цвет, несомненно, настоящий. И запах реально чувствуется!

А врачаха вдруг смотрит ему в глаза и говорит ангельским голосом:

— У тебя, кстати, тоже очажки поражения уже имеются.

— Да я... почти не курю!

— Ты с Надеждой Михайловной не спорь! — хохотнул санитар. — У нее глаз особый. Своего клиента за километр чувствует.

Но Тоша упрямо повторил:

— Не верю я. Это надо всю жизнь по три пачки в день смолить, чтоб легкие такими стали.

Врачиха напомнила:

— Клиенту моему всего двадцать было.

— Да лажа. Не мог он за пять лет так скуриться! — упорствовал подросток.

— Генетика у всех разная, — назидательно сказала доктор. — И твоя, как мне кажется, подкачала.

Улыбнулась:

— Мне прямо самой интересно стало. Давай, Стасик. Сделаем ему снимочек.

Страшный бритоголовый схватил подростка в охапку, поволок, кинул на стоящий рядом ледяной стол. Ужас какой, тут ведь тоже трупы лежали! Когда Антон попробовал вырываться, ощутимо двинул в солнечное сплетение, велел:

— Лежи тихо.

С грохотом подкатил устройство — вроде как аппарат рентгеновский. На грудь ему тяжелую, холодную пластину поместил. Через пару секунд подал врачихе снимок.

Та поместила его на окошечко с подсветкой, сказала радостно:

— Как я и думала. Вот очаги.

В руках указка. Тычет в отчетливые темные пятна:

— Не ошиблась я, Антон. Пусть и мало ты куришь, а начало уже положено. Иногда встречается предрасположенность генетическая. Так что у тебя даже пяти лет нету — за год сгоришь.

— Врете вы все!

Взглянула равнодушно:

— Да дело твое, не верь. Но мы с тобой скоро встретимся снова. Только ты будешь с биркой на ноге. И поспорить со мной уже не сможешь.

— А если... если я совсем курить не буду? Очаги исчезнут?

— Есть некоторые шансы. Но гарантии дать не могу.

Тут уж Тошка не выдержал, начал носом хлюпать. А Надежда Михайловна властно велела страшному санитару:

— Выведи отсюда этого слюнтяя. Надоел.

Мужик снова ему в плечо вцепился, поволок прочь.

Уже у двери подросток выкрикнул:

— Не дождетесь! Не умру я!

Он не видел, как «доктор» радостно улыбнулась и сама поспешно кинулась прочь от мертвого тела.

* * *

Дмитрий Полуянов пришел в журналистику в то время, когда любимая профессия была восхитительно свободной. Авторитетов не признавал, посягал на самые высокие сферы. Его расследования гремели на всю страну.

Когда начали закручивать гайки, долго надеялся: временно. Но в итоге оказался, как и все, перед выбором: или четко следовать *генеральной линии*, или уходить из профессии.

Кое-что в генеральной линии он даже признавал. Когда страну родную свои же кляли на все лады, чувствовал себя неловко. Но становиться карманным журналистом и бездумно славословить без возможности критики тоже не хотел.

Коллеги считали: в ситуации нынешней выхода есть три. Выражать гражданскую позицию в соц-сетях. Спиться. Или уехать.

Ни один из вариантов Диме не подходил. Тявкать перед узкой аудиторией — не его уровень.

Забываться в алкогольном угаре — совсем себя не ценить.

А бросать страну, которую считал родиной, еще больше не хотелось. Он много путешествовал

и знал: кущи западные кажутся райскими, только когда ты при работе да при деньгах. Но если являешься беженцем, жизнь совсем другая. Газеты разносить (как получилось у знакомого продюсера, кто подался в Германию за лучшей долей) считается большой удачей. Но скорее придется улицы подметать или бетон месить в компании хмурых поляков. Да еще на каждом углу за родную страну извиняться, чтобы местные за своего признали.

«Хотя бы из профессии своей продажной уйди!» — подбивали фрондирующие друзья.

Но Дима придумал, как любимую «вторую древнейшую» не бросать.

Благо заслуги перед «Молодежными вестями» позволяли — выбрал собственный путь. Политики, экономики, прочих злободневных тем не касался принципиально. Но каждый день выходил к читателям с рубрикой «Несерьезные новости».

Злопыхатели говорили: чистой воды эскапизм. Зато поклонники его колонку обожали.

Хорошо, когда не состоишь в президентском пуле, не обязан посещать скучнейшие пресс-конференции и наступать на горло собственной песне. Дима описывал суперлуние. Высчитывал «Индекс шаурмы». Брал интервью у блондинки на «Мазератти», сокрушившей на своем транспорте четыре дерева. Или вон сегодня: на Московскую кольцевую (шесть полос!) явился баран. Мэрия и ГАИ новость прокомментировать не могут, а Дима целое мини-

расследование провел. Сообщил читателям: беднягу везли на убой — на носу Курбан-байрам. Но животное смогло развязать путы и выпрыгнуть из грузовика. Сейчас с бараном все хорошо: его приютили зоозащитники.

Закончил заметку и подумал с грустным юмором: «Дальше падать уже некуда. Скоро начну про котиков писать».

Даже Надюха (вроде бы самая его целевая аудитория) не уставала посмеиваться над текстами про енотов, застрявших в дымоходе, или о наглых белках, что вырывали у посетителей парка орехи.

Да и главнюга — пусть Димин нейтрализует уважал — постоянно пытался подбить на расследование, на *тему*:

— Не обязательно ведь в политику лезть! Кто тебе мешает новый бриллиант красный¹ отыскать?!

Но если расследование — это всегда кому-то неудобно.

Полуянов недавно рассказывал, как в ресторан (с мишленовской рекомендацией!) наведалься спецназ, уложил посетителей лицами в пол. Решил, по старой памяти, копнуть глубже. Вышел в итоге на заказчика рейдерского захвата — чиновника из столичной мэрии. И тот же главнюга мигом засуетился:

¹ См. об этом: А. и С. Литвиновы. «Отпуск на тот свет».

— Нет, Дима, дальше не лезь. У этого ресторана много нарушений. Его абсолютно справедливо закрыли.

Спорить Полуянов не стал. Пусть будет только свой маленький мирок. Собственное тихое счастье.

В прежние вольные времена Надюшка, подруга сердечная, пресноватой казалась. А сейчас начал ценить ее преданность. Предсказуемость. Надежность.

Однако в последнее время стал примечать: что-то темнит его девочка. То врет, что в спортивном клубе (хотя явно там не была). Или с работы отпрашивается — и ему не рассказывает, куда ходила. На телефон вдруг пароль поставила — оправдалась, что за мобильный банк боится.

Мысли, что подруга налево ходит, Полуянов даже не допускал. А вот куда-то влипнуть могла. Женщины по сути своей слабы и любопытны. Обнаружил ведь — спустя немало лет после знакомства, — что его скромняжка-милашка в юные годы хорошо зажигала¹. Но чем, интересно, Надька может увлечься *сейчас*?

Однако Диме казалось неправильным копать под гражданскую супругу. Поэтому терпеливо ждал. Тем более казалось ему по каким-то витающим в воздухе признакам, Надюшка тяготится своей тайной. И сама ему проболтается. Причем очень скоро.

¹ См. об этом: А. и С. Литвиновы. «Одноклассники smerti».

* * *

Факт, что в историко-архивной библиотеке имеется привидение, признавали все, даже директор. Как иначе, если старинный особняк и в нем древние рукописи — самая ранняя аж одиннадцатого века?

Лично Надя духа-охранителя ни разу не видела. Но другим являлся — всем в разном облиции. Седобородым старцем, бледным юношей или вообще котом с пронзительным взглядом. Так что вечером, когда читатели расходились, Митрофанова всегда немного настороже. Нрав у привидения, говорили, непредсказуемый. Мог в плечо толкнуть, телефон из рук выбить.

В восемь тридцать — через полчаса после закрытия — Надя заперла зал и двинулась было к выходу. Но когда ступила на мраморную парадную лестницу (любила цокать по ней каблучками и представлять себя королевой), вдруг откуда-то сверху холодом повеяло. Прямо совсем ледяным. Очень странно. Как раз сегодня радовались с девчонками, что наконец-то деревянные, древние окна поменяли на стеклопакеты, ниоткуда не дует. Форточка, что ли, где-то распахнута? Но охранники в восемь обход делают, должны были проверить.

Сказать при выходе, чтобы еще раз посмотрели? У них и паркет старинный, и лепнина, и книги — температура ниже шестнадцати опускаться никак не может.

А холодом — Надя поежилась — тянет конкретно. Да еще — или кажется? — странные звуки добавились. То ли всхлип, то ли стон. Народу на ее втором этаже никого. Начальница отбыла в шесть, читателей Митрофанова разогнала без пятнадцати восемь. Пусто, гулко, страшновато. Но все-таки решила посмотреть сама. В конце концов, сколько уже лет в библиотеке — и еще ни разу с привидением не встречалась.

Вдруг показалось: осторожные шаги. За спиной. Остановилась. Крикнула неуверенно: «Есть кто-то здесь?» Тишина. Показалось, наверно.

Снова двинулась вверх по лестнице.

На третьем этаже два читальных зала, директорский кабинет, бухгалтерия. Свет приглушен: начальство допоздна сроду не сидит. Надя — зачем-то на цыпочках — взлетела вверх. Холодней с каждым шагом. Если это окно, то распахнуто настежь. И всхлипы все отчетливее.

Митрофанова замедлила шаг. Как раз сегодня из фондов вывели очередную порцию *некондиции* — книги с плесенью, вырванными страницами или совсем не востребуемые. Логично вроде без сантиментов отправить на свалку, но старшее поколение вздыхало: жаль. Иные тома — тот же Ленин — многие десятки лет в историчке прожили. Может, привидение их оплакивает и сейчас врежет ей? За то, что в ящики складывала никому больше не нужных писателей из соцлагеря и пособия по философии марксизма?

«Фу, Митрофанова, что за дичь тебе в голову лезет?» — оборвала себя. И решительно двинулась на всхлипы.

Божечки мои! Огромное окно в холле между читальными залами распахнуто настежь. А на подоконнике — к ней спиной, ногами наружу — сидит женщина. В кофточке, хотя на дворе холодина: бабьего лета в этом году не получилось. Третий высокий этаж старинного здания. Высота — метров пятнадцать минимум.

Свет тусклый, только дежурные лампочки.

— Эй, — вскрикнула Надя, — ты что там делаешь?

Девушка вздрогнула. Обернулась резко. Выкрикнула:

— Не подходи ко мне!

Сумрак и дождь размыли очертания, но Митрофанова ее узнала. Юлия. Постоянная посетительница зала всемирной истории и почти что приятельница. Но как она оказалась здесь? Вроде бы отправилась вниз вместе с другими читателями, когда зал закрывался, Надя сама видела.

...В чередѣ ветреных аспиранток и полусумасшедших ученых Юлия Ласточкина резко выделялась. Читатели в научном зале часто выглядят странно: у молодых ученых дам синие волосы, пирсинг, у пожилых джентльменов толстовские бороды в крошках. Юля в их ряду белая ворона: юбка, каблук в пять сантиметров, волосы всегда аккуратно собраны. А под скромными одеж-

ками — безупречных пропорций фигура. Если измерить параметры, несомненно, получатся пресловутые девяносто-шестьдесят-девяносто (талия даже меньше). Плюс лицо фарфоровое, черты точеные, волосы золотистые, губы соблазнительно пухлые. Студенты застывали соляными столпами. Пожилые гении посвящали стихи. Юля принимала поклонение с достоинством и милой улыбкой, но даже до минимального кокетства не снисходила. «Извините, я сегодня занята», — и весь разговор. Особо настойчивым и наглым объявляла прямо:

— Вы мне не интересны.

Где-нибудь в трущобах новых микрорайонов за такое можно и в глаз получить, но интеллигентные посетители библиотеки терялись и отступали.

Надя красотку, несчастливую в личной жизни, жалела. Почти что по-матерински. Тем более что и Юлечка к ней тянулась. Если никого у стойки, всегда болтали. Чай вместе пили несколько раз.

Надя пыталась тактично вразумить, что так можно и пробросаться. Подлецы в библиотеку априори не ходят. Из читателей историко-архивной уже девять пар в ЗАГСе побывали — и все живут счастливо.

Юлия лишь виновато разводила руками:

— Никто не нравится. А пустых отношений я не люблю. И вообще мне с людьми тяжело.

Надя себя даже слегка виноватой чувствовала. Сама — при мужчине (да каком!). А Юля — ангел! — одинока.

Ведь реально вообще без изъянов девушка.

Волосы всегда шелк, лицо без единого пигментного пятнышка.

— Ты к косметологу ходишь? — выпытывала Надя.

— Нет, — в смущении улыбалась Юлия. — Просто генетика хорошая. И образ жизни правильный.

Красавица ни единого вечера в жизни не провела в алкогольном угаре или табачном дыму. Ошибок молодости вроде перепоя на вечеринке совершать даже не пыталась. Работала дома: переводила с романских языков. Для души — книги, для насущного хлеба — скучные деловые тексты. А в качестве хобби вела в социальных сетях канал по истории психологии, ради него и торчала в библиотеке.

Надя и начальница зала Всемирной истории любили иногда пообсуждать посетителей. Однажды даже заключили на Юлю пари. Умудренная жизнью руководительница утверждала: останется бедняга в старых девах, несмотря на всю свою внешнюю привлекательность.

— Мужу дьяволышка нужна. Огонь адский в глазах. А она безжизненная совсем.

Митрофанова же считала, что это вопрос времени. Просто не встретила еще мисс Совершенство своего принца.

И в итоге оказалась права.

Пару месяцев назад в зал всемирной истории явился красавец. Чуть за тридцать, курчавый, муже-

ственный. Царственная посадка головы и выворотные стопы выдавали балетного. В отличие от сдержанной Юлии, сразу всех обаял. Смущенной его великолепием Наде объявил: академия балета (где он помощник ректора) восстанавливает к выпускному вечеру балет на музыку Сергея Прокофьева «Классическая симфония». Ему нужен максимум информации по последней постановке Юрия Посохова в 2010 году для театра в Сан-Франциско.

Не совсем их профиль, но все, что имелось в Ленинке, великолепный мужчина по имени Феликс уже изучил.

Юлия (обычно, если уж получила свои книги, сидит словно мышка) подошла к библиотечной стойке ровно в тот момент, когда помощник ректора с истинно театральной экспрессией уверял Надю: теперь именно в ее руках будущее российского балета.

— Прошу вас, подберите все, что возможно, по моей теме! Сколько можно терзать публику бесконечным «Маршем суворовцев» или гран-па из «Пахиты», когда...

Оборвал речь на полуслове. Уставился на Юлию. Замер.

Та мило улыбнулась:

— Вы ведь Феликс Шарыпов? Я видела вас в «Корсаре».

— А вы, вероятно, Одиллия, — парировал красавец. — Только откуда? Из Ковент-Гардена? Метрополитен-опера?

Надя внутренне усмехнулась: у нее, несомненно, появился шанс выиграть пари.

В воздухе сразу заискрило. Молния, финский нож, как говаривал классик. Всегда спокойное, фарфорово-бледное лицо Юли покрылось румянцем. Феликс уверенно взял ее ладонь. Прижал к губам. Она противиться даже не попыталась.

Но своего телефона не дала.

Феликса отказ только раззадорил. Мгновенно забыл про «Классическую симфонию». Умчался. Через час явился снова — с охапкой лилий.

Вручил букет. Уверенно предложил:

— По бокалу шампанского?

— Спасибо. Я не пью.

— Тогда кофе? Здесь есть рядом очень милое заведение.

— Нет-нет. Не сегодня.

Он посмотрел озадаченно.

Надя сочла своим долгом вмешаться:

— «Не сегодня» — это для Юли огромный прогресс. Обычно она просто всех посылает.

— Тогда я обнадежен, — широко улыбнулся Феликс.

Первое свидание у пары так и прошло — за библиотечным столом. Посередине букет из лилий (вазу пожертвовала Надя). Юля с книгой. А Феликс даже не притворяется, что читает, — откровенно глазеет.

Теперь помощник ректора ежедневно являлся в историко-архивную. Приносил цветы. Пирожные (обычно доставались Наде). Строгие краски

Юлиного лица с каждым днем становились ярче. Дикарка училась кокетничать и слать манящие улыбки. Великолепный Феликс больше не пытался обаять весь мир и сосредоточился исключительно на своей богине.

Даже известная вздорным нравом начальница зала признавала:

— Обычно чужому счастью завидуешь, а на них смотришь, и душа радуется.

Феликс не смог вовлечь Юлию в любимый им вихрь светской жизни. Иногда сподвигал разве что на кофейню или поход в театр. В основном рядышком в читальном зале сидели. Она делала вид, что вся в своих книгах, но украдкой поглядывала. А он откровенно глаз не сводил.

Любая бы современная пара дождалась максимум третьего дринка — и в койку, благо оба семьями не обременены. Но Юлия честно призналась Наде:

— Ты не думай, я не настолько несовременная, чтобы только в брачную ночь... Но мне очень страшно... что потом просто все кончится.

Митрофанова тоже опасалась: вертопрах (как называла его начальница) получит свое и бросит бедняжку.

Явно же: и молодые балеринки, и зрелые грандамы в очереди к нему стоят. А покорить неприступную Юлю — что-то новое. Челлендж.

Добавит в коллекцию и убежит новых приключений искать? Или все-таки тут любовь?

Когда Юлия наконец уступила, Митрофанова поняла сразу. По довольной, сытой улыбке балерины. По ее теперь постоянно взволнованному лицу. Юлия потеряла единственный, как она считала, рычаг влияния и теперь боялась. Откровенно боялась.

Как можно изучать психологию и настолько не уметь строить собственную личную жизнь?

— Цену себе набивай. С другими кокетничай. Держи его в тонусе! — советовала Митрофанова.

Но влюбленная только глазами хлопала:

— Мне никто, кроме него, не нужен. А притворяться я не могу.

Поначалу идиллия длилась. Феликс давно закончил свои научные изыскания, но в историко-архивную библиотеку продолжал наведываться. Иногда просто Юлию у входа встречал, но часто поднимался в зал. Садился рядом. Вроде как просматривал театральные журналы, а сам то и дело поглядывал на мисс Совершенство.

Но последние несколько дней блестящий повеса в окрестностях историко-архивной не появлялся. А сегодня несчастная в одной легкой кофте на подоконнике. Рыдает. И явно готова спрыгнуть в промозглую осеннюю черноту.

— Юлька, — тихо велела Надя. — А ну быстро обратно!

Та и не подумала. Даже головы не повернула.

Блин. Подоконник скользкий.

А когда Митрофанова подошла поближе, хрипло каркнула:

— Отойди, я сказала!

Надя психологию не учила, но и без того понятно: потенциальная самоубийца. Надо, наверно, сказать, что все будет хорошо?

Но вместо правильных слов ляпнула:

— Если грохнешься, меня уволят.

А Юлька проклятая даже руками за подоконник не держится.

Надя повысила голос:

— Свински себя ведешь. Зачем других-то подставлять? Хочешь сдохнуть — иди домой, там и прыгай!

Красавица обернула к ней зареванное лицо. Простонала:

— На-а-а! Феликс меня бросил!

— Так и сказал, что уходит?

— Нет! Просто исчез — и все!

— Так, может, что-то случилось с ним?

— Говорю тебе, бросил! Я знаю, я его видела!

С другой!

— Где?

— В Главном театре. В ложе администрации.

Они рядом сидели.

— И только-то?

— Да там все понятно! Он ее лапал, а она только рада! Променял меня! На эту фальшивую куклу!

— А как ты вообще узнала, что он в театре?

Всхлипнула:

— Я их отследила. У подъезда его стояла... с самого утра. А в пять вечера они оттуда уже вдвоем вышли. Значит, эта тварь у него всю ночь была!

— И что дальше?

— Они сели в машину. А я такси поймала. Ехала следом — до Главного театра. Они через служебный вход вошли, я билет с рук купила. Ну и увидела, как обнимаются — в ложе, у всех на глазах. Мне больше нет смысла жить!

— Господи, какая ты дура!

— Она красивая, богатая, раскованная! Я в сравнении с ней полный ноль!

— Никого красивее тебя в Москве нет, — твердо сказала Надя. И попросила: — Влезь, пожалуйста, обратно. Я не могу разговаривать, когда ты ко мне спиной.

— Да не о чем говорить, — отозвалась та безнадежно. — И жить мне незачем.

— Я могу тебе помочь, — решительно произнесла Митрофанова.

— Как? — спросила без надежды.

— Могу. Слезь с подоконника и выслушай.

Молчит.

Митрофанова рявкнула:

— Слезь, я сказала! Полчаса ничего не решат. Поговорим, а потом вали отсюда и делай, что хочешь. Хоть прыгай, хоть яд пей. Яд, кстати, эффективнее. А если с высоты — хоронить в закрытом гробу будут.

Задело — Юля сразу вцепилась руками в подоконник. А потом — счастье! — аккуратно, медленно обернулась и прыгнула на пол.

Надя захлопнула окно. Юлия опустилась на паркет, закрыла лицо руками. Прошептала:

— Надь... да все равно бесполезно. Ты знаешь, кто она? Это Ангелина Асташина. Как мне с ней тягаться?

Ого. У Феликса губа не дура. Митрофанова светской хроникой не интересовалась, но про Асташину слышала. Одна из самых богатых женщин Москвы (покойный муж оставил огромное состояние). Яркая телеведущая — ведет популярное шоу «Три шага до миллиона». Тусовщица. Ну и красотка, конечно.

Надя представила рядом ее и Феликса. Наверняка смотрятся гармонично. Да и балеруны — известные халявщики. Дама-спонсор — очень по-театральному.

Но настолько жаль Юлю — и ее красивую сказку!

— Юлечка, — попросила Митрофанова. — Ты можешь потерпеть? Хотя бы неделю? Я попробую вернуть его.

— Да что ты можешь?

— Пока не знаю. Но возможности есть, поверь.

— Надя, — грустно сказала девушка, — но ты ведь всего лишь библиотекарь.

— У человека много граней, — усмехнулась Митрофанова. — И не обо всех принято кричать на каждом углу.

— Да кто ты такая?

— Я тебя прошу просто подождать. Готового рецепта пока нет. Но за любовь — такую, как у тебя, — надо бороться. А ты, я гляжу, только на глупости способна. Значит, придется мне.

Юлины глаза округлились:

— Ты же... ее не убьешь?

Надя улыбнулась:

— Нет, конечно. Но я попробую сделать так, чтобы Феликс вернулся к тебе.

Никогда она еще не обращалась в «Кайрос» с *личной просьбой*. Но ради Юльки можно. Когда просишь не для себя, устав разрешает. Надо только придумать формулировку.

* * *

Постят котиков и рыдают над жалостливыми историями про животных одни меланхоличные дурочки, поэтому Марьяна своих питомцев в социальных сетях никогда не выкладывала. И никому не рассказывала, что Куксик с ней на одной подушке спит. А к своему второму коту, Ричи, она посреди ночи встает. Тот нежностей не любил, мерз в одиночестве на лежанке, и Марьяна, когда в квартире холодно, укрывала его старой кофтой.

Мужья у нее были (и тоже двое). Оба неудачные и, по счастью, уже в прошлом. Марьяна теперь была твердо убеждена: сосуществовать с усатыми-полосатыми куда комфортнее. Коты вообще делают человека мудрее и добрее. Раньше она, как